DOI: 10.31249/rsm/2024.03.09

М.В. Ковалев

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ХИМИК ОТТО ВИХТЕРЛЕ И СОВЕТСКАЯ НАУКА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ[1]

Аннотация. *В статье анализируются личные и деловые контакты чехословацкого химика Отто Вихтерле (1913–1998) с советскими коллегами. Эти взаимодействия рассматриваются в контексте развития советско-чехословацких отношений, международных научных связей времен холодной войны, научно-технической революции (в особенности в области химии полимеров). Приведенные в статье примеры демонстрируют глубокую и искреннюю заинтересованность ученых СССР и Чехословакии в научной кооперации, причем такое партнерство изначально мыслилось как равноправное и обоюдовыгодное. Было показано, что личные контакты О. Вихтерле с Н.Н. Семеновым, В.А. Каргиным, М.И. Рохлиным и другими химиками позволяли на неофициальном уровне решать важные вопросы двустороннего научного взаимодействия. В то же время у личных инициатив были свои пределы и возможности. В статье показано, что даже благие начинания ученых-химиков в актуальных исследовательских областях зачастую наталкивались на глухую стену советской бюрократии разных уровней. Пробить ее, несмотря на титанические усилия, не могли самые влиятельные и авторитетные научные персоны. Официальное выстраивание научных контактов даже с социалистическими странами было сковано многочисленными запретами с советской стороны. Хотя СССР декларировал курс на развитие и укрепление международных научных связей, на повышение влияния советской науки, на трансфер знаний и технологий, практики управления международными научными контактами оказывались неповоротливыми, неспособными отвечать на вызовы времени. Призывы О. Вихтерле судить об успешности международного сотрудничества на основе реальных достижений, а не на основе бравурных отчетов, парадных визитов официальных делегаций и ни к чему не обязывающих соглашений, оставались неуслышанными, что, в частности, продемонстрировало его письмо к М.В. Келдышу 1964 г. В результате негативные тенденции сильно подрывали авторитет советской науки в мире, в том числе в социалистических странах. Статья основана на материалах российских и зарубежных архивов, впервые вводимых в научный оборот.*

Ключевые слова: *О. Вихтерле; советско-чехословацкие научные связи; научно-техническая революция; трансфер технологий; история химии.*

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-78-10053-П.

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747–2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000–0002–4722–818 X

Kovalev M.V.

Czechoslovak chemist Otto Wichterle and Soviet science: on the history of relationships

Abstract. *This article analyzes the personal and business contacts of the Czechoslovak chemist Otto Wichterle (1913–1998) with Soviet. These contacts are considered in the context of the development of Soviet-Czechoslovak relations, international scientific relations during the Cold War, and the scientific and technological revolution (especially in the field of polymer chemistry). The examples discussed in the article demonstrate a deep and sincere interest in the development of scientific contacts between scientists of the USSR and Czechoslovakia. Moreover, such a partnership was initially regarded as equal and mutually beneficial.*

It is demonstrated that personal contacts between O. Wichterle and N.N. Semenov, V.A. Kargin, M.I. Rokhlin, and other chemists were allowed to resolve important issues of bilateral scientific interaction at an unofficial level. At the same time, personal initiatives had their limits and possibilities. The article shows that even the good endeavors of chemists in contemporary research areas often ran into a blank wall of the Soviet bureaucracy at various levels, with even the most influential and authoritative scientists being unable to break through it despite titanic efforts. The official construction of scientific ties even with socialist countries was constrained on the Soviet side by numerous prohibitions that were devoid of any common sense. Although the USSR declared a course to develop and strengthen international scientific relations, to increase the influence of Soviet science, and to transfer knowledge and technology, the practices of managing international scientific contacts turned out to be deeply flawed and flawed. O. Wichterle's calls to judge the success of international cooperation on the basis of real achievements and not on the basis of bravura reports, ceremonial visits of official delegations, and non-binding agreements remained unheard, which, in particular, was demonstrated by his letter to M.V. Keldysh in 1964. As a result, negative trends greatly undermined the authority of Soviet science in the world, including in socialist countries. The article is based on materials from Russian and foreign archives that were researched for the first time.

Keywords: *O. Wichterle; Soviet-Czechoslovak scientific relations; scientific and technological revolution; technology transfer; history of chemistry.*

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAN), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747–2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000–0002–4722–818 X

Химика Отто Вихтерле (Otto Wichterle; 1913–1998) по праву считают одним из крупнейших представителей чешской науки. Его исследования в области химии полимеров получили международное признание, его изобретения, в особенности гибкие контактные линзы, оказались широко востребованными в мире. О. Вихтерле был не только крупным ученым, но также незаурядным научным администратором, создавшим в 1959 г. Институт макромолекулярной химии Чехословацкой академии наук (ИМХ ЧСАН) и превратившим его в инновационную площадку мирового уровня. В 1990–1992 гг. О. Вихтерле был президентом Чехословацкой академии наук. Одновременно он не сторонился участия в общественной жизни, был готов смело отстаивать свою точку зрения перед власть имущими. Все это особенно ярко проявилось в период Пражской весны, когда ученый оказался в авангарде сторонников реформ.

О. Вихтерле на протяжении всей жизни оставался горячим поборником развития международных научных связей, видя в беспрепятственном общении ученых поверх идеологических и политических барьеров залог исследовательских успехов. В связи с этим важным представляется взглянуть на то, как развивались его контакты с советскими исследователями, как видел он пути развития двусторонних связей, как оценивал советскую науку. Эти вопросы видятся чрезвычайно важными в контексте развития послевоенной Чехословакии, попавшей в орбиту советского влияния, а равно в свете истории международных научных связей времен холодной войны.

* * *

С советскими учеными О. Вихтерле познакомился в первые послевоенные годы в Германии[2]. В ту пору представители разных стран изучали германский промышленный потенциал для возможности вывоза оборудования в качестве репараций. О. Вихтерле был в числе чехословацких экспертов. Среди его советских знакомых оказался химик М.И. Рохлин, направленный в советскую оккупационную зону с уральского завода в чине полковника [Черненко 2019, с. 56]. Правда, как вспоминал О. Вихтерле, в те годы и М.И. Рохлин, и дру-

2. Правда еще в 1933 г. ведомый студенческими левыми интересами и любопытством, О. Вихтерле в составе туристической группы совершил четырехнедельное путешествие в Советский Союз [Wichterle 1992, s. 57].

гие его коллеги были сдержанны в общении с иностранцами [Wichterle 1992, s. 70]. Лишь десятилетие спустя, судьба вновь сведет двух химиков, и они станут близкими друзьями.

О. Вихтерле вспоминал, что приезды в Чехословакию советских ученых до середины 1950-х годов были редким явлением, двусторонние связи оставались поверхностными, развернутой информации о химической науке и образовании в СССР было недостаточно. В первые послевоенные годы он попробовал связаться с советскими химиками, работавшими в схожих исследовательских направлениях, например с А.Л. Клебанским и Б.А. Арбузовым. Попытки оказались безрезультатными. Все письма, даже отправленные через советское посольство в Праге, оставались без ответа [Wichterle 1992, s. 70][3]. Между тем имя О. Вихтерле было известно советским специалистам, о чем свидетельствует, например, письмо академика АН Армянской ССР В.И. Исагулянца в журнал «Chemické listy» от 7 марта 1946 г., в котором он просил прислать оттиск одной из статей О. Вихтерле и по возможности дать адрес автора [Письмо В.И. Исагулянца в журнал «Chemické listy»].

Первые послевоенные годы для значительной части чехословацких интеллектуалов были окрашены в тона искренней, порой безраздельной и некритичной симпатии к СССР. Советская наука воспринималась как непререкаемый образец для подражания и главный идейный ориентир. В чехословацкой среде начали активно воспроизводиться советские практики организации и управления наукой. Вместе с ними в интеллектуальную атмосферу проникал дух идеологических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х годов. Химика О. Вихтерле эти веяния не пленяли. Напротив, он все более утверждался в нонконформистских взглядах [Wichterle 1992, s. 120–121]. Хотя он без симпатии относился к Коммунистической партии Чехословакии, страстным и открытым противником режима его назвать нельзя. Его путь – это путь скептика, интеллектуала-нонконформиста, горячо преданного научной работе, и противопоставлявшего блестящие результаты этой работы серости бюрократии и государственной идеологии. Показательно, что ИМХ ЧСАН долгое время оставался в стороне от политических проблем, и до 1968 г. ни один его сотрудник не эмигрировал на Запад [Wichterle 1992, s. 142]. О. Вихтерле словно пытался выработать особый способ коммуникаций с властью. Исследования и разработки ИМХ ЧСАН были широко востребованы в мире. Западные страны покупали патенты и платили за них валютой. В отличие от СССР, чехословацкие научные учреждения имели право оставлять себе часть заработанных денег. Это обстоятельство дало возможность О. Вихтерле превратить свой институт в финансово независимую организацию, а значит, регулярно обновлять приборную базу и закупать новейшее оборудование, отправлять сотрудников в заграничные командировки. Чехословацкие власти, заинтересованные в продвижении своих технологий

3. *Правда, О. Вихтерле, наверняка, имел возможность пообщаться лично с Б.А. Арбузовым в октябре 1955 г. на III годичном собрании Химического общества ГДР в Лейпциге, в котором оба принимали участие [В отделении химических наук, с. 95].*

за рубежом и регулярных валютных поступлениях, готовы были закрыть глаза на многие вольности строптивого химика.

* * *

Систематические контакты О. Вихтерле с советскими химиками установились в период хрущевской Оттепели, когда советская наука стремительно включилась в международные научные коммуникации. Исследования чехословацких химиков в 1950-е годы имели значительный отклик в СССР, тем более что они совпадали с перспективными научными тенденциями. Советские ученые отмечали несомненные успехи коллег в различных областях и выражали огромную заинтересованность в научной кооперации. В числе главных и перспективных сфер сотрудничества называлось получение и применение полимерных материалов. Интерес к работам чехословацких ученых стимулировался информацией о богатой материально-технической базе их исследований, которой зачастую не было в СССР. Такое представление находило отражение в многочисленных отчетах советских химиков о командировках в Чехословакию в 1950-е гг. «Такой методики и аппаратуры мне еще не приходилось видеть ни в одной химической лаборатории Советского Союза», – писал доктор химических наук Г.В. Лазурьевский из Молдавского филиала АН СССР, посетивший Прагу осенью 1957 г. [Отчет о научной командировке в гор. Прагу, л. 57]. «Институты Академии наук получают, по-видимому, довольно значительные валютные ассигнования на приобретение иностранной аппаратуры», – отмечал в отчете химик-кристаллограф М.А. Порай-Кошиц [Отчет (командировка в Чехословацкую Академию наук с 2 по 23 октября 1957 г.), л. 102]. «Лаборатории хорошо оборудованы, имеют новейшие приборы, получаемые из-за границы», – резюмировали в 1958 г. ленинградские химики Н.Е. Приходько и З.С. Башун [Отчет о научной командировке в Чехословацкую народную республику, 1958 год, л. 28]. В отчетах подчеркивалось, что для чехословацкой химии заканчивается период учебы, а это неминуемо отразится на динамике связей с СССР: «Вместо обучения и передачи опыта перед советскими учеными встает задача творческого сотрудничества с разделением труда в работе над общими проблемами» [Отчет о командировке члена-корреспондента АН СССР С.З. Рогинского, л. 83–84].

Весной 1956 г. О. Вихтерле выступил с инициативой присылать Институту научной информации АН СССР рефераты статей из ведущего чехословацкого периодического издания «Chemické listy» для последующей публикации в «Реферативном журнале “Химия”». Это предложение было тепло встречено советской стороной, заинтересованной в получении оперативной научно-технической информации [Письмо П.И. Никитина к О. Вихтерле, 23 мая 1956 г.]. В Прагу начали регулярно приезжать советские стажеры. О. Вихтерле старался оказывать им помощь и поддержку. Так, весной 1957 г. ВНИИ искусственного волокна отправил в трехмесячную стажировку в его лабораторию научного сотрудника Л.Г. Токареву [Письмо А.А. Конкина к О. Вихтерле, 15 февраля 1957 г.].

Важнейшим событием стало проведение в Праге 9–14 сентября 1957 г. представительного симпозиума по макромолекулярной химии под патронажем Международного союза теоретической и прикладной химии (ИЮПАК). В Чехословакию приехала большая советская делегация во главе с нобелевским лауреатом Н.Н. Семеновым, у которого с О. Вихтерле быстро установились дружеские и доверительные отношения. В оценке чехословацкого химика, Н.Н. Семенов был в числе немногих советских ученых, с кем можно было откровенно обсуждать любые, даже самые острые, проблемы [Wichterle 1992, s. 70–71]. В мемуарах О. Вихтерле описывается дружеская встреча с Н.Н. Семеновым в номере пражской гостиницы «Alcron». Вдали от лишних глаз и ушей, ученые обсуждали пути налаживания двусторонних связей: «В конце концов, мы поняли, что единственный способ преодолеть чудовищную советскую бюрократию – создать собственное бюрократическое учреждение» [Wichterle 1992, s. 71]. Так родилась идея советско-чехословацкой комиссии по макромолекулярной химии и начался непростой процесс ее институционализации.

17 марта 1959 г. на заседании Президиума АН СССР Н.Н. Семенов энергично отстаивал важность развития и укрепления международных связей в области химии полимеров. В частности, он рассказывал о своей поездке в Чехословакию и беседах с О. Вихтерле. Н.Н. Семенов убеждал в важности совместных исследований в области получения пластмасс и искусственного волокна, включая и теоретические работы в области высокомолекулярных соединений [Стенограмма беседы, л. 32]. Для упрочения своих аргументов Н.Н. Семенов доказывал, что у чехословацких коллег уже есть ряд преимуществ, которые важно учитывать советским химикам. Поэтому для успешной совместной работы необходимо создание совместной комиссии. Доводы Н.Н. Семенова поддержал академик В.А. Каргин, сделавший акцент на важности обмена мнениями «при минимуме формальностей» [Стенограмма беседы, л. 33].

Естественно, что такое начинание должно было получить одобрение на высшем уровне. Отделение химических наук АН СССР в письме-обосновании в ЦК КПСС информировало, что создание советско-чехословацкой комиссии будет дополнять работу комиссий СЭВ, а также двусторонних комиссий по научно-техническому сотрудничеству, «сможет конкретно использовать опыт химиков и технологов обеих стран с целью более полноценного и быстрого решения задач» [Проект Отделения химических наук АН СССР, л. 85]. Там же говорилось, что чехословацкие химики широко пользуются информацией об исследованиях за рубежом, т. е., на Западе. Отделение настаивало, что успех совместной работы может быть обеспечен только при возможности прямых личных и письменных контактов между учеными двух стран [Проект Отделения химических наук АН СССР, л. 85–86].

В сентябре 1959 г. О. Вихтерле и доктор К. Веселы, директор НИИ макромолекулярной химии Министерства химической промышленности Чехословакии приехали в СССР для обсуждения программы сотрудничества [Письмо Я. Кожешника к А.В. Топчиеву, 13 ноября 1959 г.]. Протокол совещания зафиксировал взаимную заинтересованность в исследованиях в сфере природ-

ных макромолекулярных соединений, методов получения и контроля качества материалов для синтеза полимеров, синтеза вспомогательных химикатов для получения и переработки полимеров, синтеза новых полимеров, обладающих специфическими свойствами, получения и переработки полипропилена, полиформальдегида и стеклопластика [Протокол совещания, л. 55–58].

На совещании в Москве (30 сентября – 3 октября 1959 г.) был определен состав комиссии, в которую с советской стороны вошли академик Н.Н. Семенов (председатель), академик С.С. Медведев, профессор М.М. Котон, ученый секретарь по полимерам Отделения химических наук М.И. Рохлин, заместитель председателя Государственного комитета по химии Г.В. Уваров и начальник Управления пластмасс Государственного комитета по химии М.И. Гарбар, с чехословацкой стороны – О. Вихтерле, К. Веселы и представитель Министерства химической промышленности Я. Гнидек [Письмо Н.Н. Семенова А.В. Топчиеву, 30 октября 1959 г.; Приложение №6, л. 68–69].

Советско-чехословацкая комиссия по химии высокомолекулярных соединений ставила своими задачами координацию исследований в области полимеров, дабы избегать параллелизма в работе и своевременно обмениваться научной информацией, проведение совместных исследований, в том числе на основе согласованных заданий [Приложение №6, л. 68–69]. Речь даже шла о создании совместного научно-исследовательского института. План работы включал пункт о важности развития мобильности ученых, который, как подчеркивалось в документе, невозможно реализовать в рамках существующей системы эквивалентного обмена. Доказывалась важность именно длительных командировок с возможностью взаимного зачисления ученых на работу в штат советского или чехословацкого института. Сразу же предлагалось выделить для этих целей 8–10 должностных единиц старших научных сотрудников. Одновременно предлагалось выдать советским членам комиссии долгосрочные заграничные паспорта (на два года), чтобы они имели возможность оперативно выезжать в командировки [Приложение №6, л. 72]. К слову, практика приема на работу иностранных ученых в штат научных институтов широко реализовывалась в Чехословакии.

Тогда же был определен план совместных работ на 1960 г., который помимо фундаментальных исследований предполагал конкретные прикладные результаты, например, разработку технологии производства крупногабаритных изделий из стеклопластика (кузова машин, лодки, катера и др.) [План совместных работ, л. 6–15]. Проект плана сотрудничества между АН СССР и ЧСАН в области макромолекулярной химии, составленный О. Вихтерле, отражал глубокую заинтересованность сторон в научном взаимодействии. Он предполагал совместные работы как в фундаментальных, так и в прикладных областях. При этом подчеркивалась важность обмена результатами исследований, даже если таковые будут отрицательными [Проект плана сотрудничества, л. 35–40].

Открытость О. Вихтерле в общении, его научный кругозор, деловая хватка, а равно готовность к сотрудничеству импонировали советским ученым. Побывавший в конце 1957 г. в Праге академик В.Н. Кондратьев писал

О. Вихтерле: «Я уже целую неделю в Москве и с большим удовольствием вспоминаю о Чехословакии и о чехословацких химиках» [Письмо В.Н. Кондратьева к О. Вихтерле, 26 декабря 1957 г.]. Показательно и письмо от доктора химических наук Б.А. Кренцеля из Института нефтехимического синтеза АН СССР: «Дорогой Отто Карлович, я был очень рад получить Ваше сообщение, которое с исчерпывающей полнотой характеризует основные направления работ в ЧСР по получению чистых мономеров и определению содержания незначительных примесей» [Письмо Б.А. Кренцеля О. Вихтерле, 7 декабря 1959 г.]. В 1958 г. О. Вихтерле познакомился с С.Р. Рафиковым, который приезжал в Прагу на короткую стажировку с 23 сентября по 5 октября [Командировки в Чехословацкую академию наук, л. 78]. Чехословацкий химик высоко оценил работы советского коллеги. Когда в 1959 г. С.Р. Рафиков обратился к О. Вихтерле с просьбой прислать ему около 100 граммов полученного в пражской лаборатории полиамида[4] для проведения экспериментов, тот немедленно откликнулся на просьбу [Письмо С.Р. Рафикова к О. Вихтерле, 1959 г.; Письмо О. Вихтерле С.Р. Рафикову, 10 июля 1959 г.]. Доктор химических наук, профессор П.И. Санин, посетивший в июне 1964 г. Чехословакию, с большим уважением обрисовал работу ИМХ ЧСАН, в особенности работы по получению и применению гибких контактных линз. Он описал встречу с О. Вихтерле, который любезно принял его, показал установку, позволявшую производить до 20 000 контактных линз в час [Отчет о научной командировке в Чехословакию, 1964 г., л. 3–5].

* * *

Финская исследовательница Р. Палонкорпи справедливо заметила, что высокий профессиональный статус позволял О. Вихтерле делать смелые заявления и критиковать те или иные порочные бюрократические практики. В ее представлении, О. Вихтерле трудно назвать как открытым противником, так и публичным сторонником режима. Порой он приближался к одной из двух этих крайностей, но при любых раскладах готов был идти на риски, которые могли иметь для него самые серьезные последствия [Palonkorpiová 2017, s. 149]. Таким примером служит обращение О. Вихтерле к президенту АН СССР М.В. Келдышу с острокритическим письмом о состоянии советско-чехословацких научных связей. Это письмо сегодня хорошо известно исследователям. Выдержки из него еще в 1990 г. цитировал в своем мемуарном очерке советский химик М.И. Рохлин [Рохлин 1990, с. 20–21], а затем и сам О. Вихтерле на страницах опубликованных воспоминаний [Wichterle 1992, s. 73–75][5]. В 2019 г. текст письма был опубликован по экземпляру из Российского государственного архива новейшей истории, правда без всяких упомина-

4. Пластмасса на основе синтетических высокомолекулярных соединений, широко используемая в различных отраслях промышленности.

5. Текст письма имеется в личном фонде О. Вихтерле [Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г.]

ний о предшествующих публикациях, пусть и отрывочных, а равно без должного комментирования научных реалий [Вихтерле 2019].

Обстоятельства написания этого письма были следующими. Во время приезда М.В. Келдыша в Прагу в 1963 г. О. Вихтерле принимал его в своем институте, а затем пригласил в гости. Во время дружеской посиделки с непременным чешским пивом хозяин дома поинтересовался: почему стремление к развитию контактов с советскими химиками все время наталкивается на препятствия со стороны советских бюрократических инстанций, как внутри АН СССР, так и вне ее. О. Вихтерле сетовал: «Мы не получаем современной оперативной информации, и фактически у нас нет ни совместных работ, ни совместных результатов, а взаимные поездки обычно носят характер формальных визитов» [Рохлин 1990, с. 20]. О. Вихтерле жаловался, что он и его сотрудники регулярно посылали в советские учреждения препринты и оттиски статей, и лишь однажды получили в ответ публикацию из «Докладов Академии наук», снабженную шестью разрешающими визами и печатями [Станцо 1990, с. 18; Wichterle 1992, s. 72].

М.В. Келдыш пытался парировать и возлагал вину на безответственность советских научных работников. О. Вихтерле же отказывался верить такому объяснению и видел первопричину в неповоротливости советской бюрократии и неэффективной системе управления наукой. В итоге М.В. Келдыш попросил коллегу откровенно изложить свои мысли на бумаге и представить ему, обещав всяческое содействие в разрешении трудных вопросов.

О. Вихтерле в своем обращении позволил себе с предельной откровенностью обрисовать все болевые точки развития советско-чехословацких научных связей: «Мы все здесь чувствуем, что нельзя постоянно поддерживать закостеневшие и по существу бесплодные формы международного научного сотрудничества, которое, если судить по стилистической эквилибристике международных протоколов, находится в наилучшем порядке, но которое в действительности задушено деятельностью ваших учреждений. Оптимистический тон этих протоколов и официальных выступлений, может быть, и ослепляет слой высших представителей политики и науки, для удовлетворения которых составляются с таким искусством эти документы. Но широкие массы наших научных работников отдают себе ясный отчет в неблаговидном реальном положении вещей, так резко контрастирующем с официальными документами» [Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г.].

Важный факт – О. Вихтерле не просто написал письмо к президенту АН СССР, но уведомил руководство ЧСАН об этом обращении. Свидетельством тому является отчет о международных связях ИМХ ЧСАН за 1963 г. В этом документе, обрисовав конкретные направления взаимодействия с СССР и указав на достигнутые результаты, О. Вихтерле подробно остановился на проблемных моментах. Он констатировал, что во время визитов советских исследователей были удовлетворены практически все их запросы на посещение академических и ведомственных институтов, причем как сделанные заранее, так и возникшие уже на месте. При этом О. Вихтерле прямо говорил, что со сто-

роны АН СССР не было ответных действий. Чехословацким стажерам часто не могли организовать прием в той или иной советской организации, хотя заявка на посещение планировалась за полгода. О. Вихтерле также сожалел о невыполнении ряда обязательств советскими партнерами, особенно в плане обмена научными работами. ИМХ ЧСАН разослал статьи и препринты вместе с аннотациями на русском языке во все заинтересованные институции СССР, но в ответ не получил ни одной работы.

В отчете О. Вихтерле описал свою полемику с М.В. Келдышем, по итогам которой и появилось упомянутое пространное письмо. Чехословацкий ученый вновь выражал несогласие с тезисом, будто причиной трудностей двусторонних контактов служит нерасторопность и безответственность советских ученых. О. Вихтерле видел ее иначе: «Виной тому система советских правил и предписаний, заставляющая советских работников бояться всякой инициативы во внешних сношениях. Наши советские друзья не хотят говорить об этих трудностях, но по разным признакам чувствуется, что даже директора академических институтов не осмеливаются сообщать в письменной форме малейших сведений о ходе исследовательской работы. Эта чрезмерная осторожность особенно смущает, когда речь идет об обмене опытом в вопросах, в которых и мы, и наши советские товарищи, сильно отстаем от капиталистической науки, поэтому любое сокрытие совершенно абсурдно» [Wichterle 1963]. Свои размышления чехословацкий химик завершал следующим пассажем: «Президент Келдыш после своего возвращения, вероятно, попытался исправить подобное положение дел, о чем свидетельствует тот факт, что некоторые рукописи трудов были отправлены нам, а сами советские представители на своих последних переговорах рассчитывали получить несколько большую долю свободы в отношениях с нами. Однако мы продолжаем крайне скептически относиться к дальнейшему развитию этих отношений в ближайшем будущем, даже если наши личные отношения с отдельными советскими товарищами необычайно сердечны и открыты, и хотя мы знаем, как им самим неприятно, что сотрудничеству с нами, которого они искренне желают, поставлены такие тяжелые препятствия» [Wichterle 1963]. На что рассчитывал О. Вихтерле, когда писал столь откровенное и смелое письмо М.В. Келдышу, а затем повторял его тезисы в официальном отчете для ЧСАН? Думается, что он не просто хотел донести свою позицию, но ожидал хоть какой-то официальной реакции, стремился перенести обсуждение проблем в публичное поле. Между тем время шло, а реакции не было.

М.И. Рохлин вспоминал, как в конце 1964 г. он вместе с О. Вихтерле оказался в гостях у Н.Н. Семенова в Москве. Во время непринужденного разговора о музыке, науке, людях, винах чехословацкий химик внезапно обратился к собеседникам с вопросом: почему М.В. Келдыш не отвечает на его письмо [Рохлин 1990, с. 20; Wichterle 1992, s. 72]? В тот момент ни Н.Н. Семенов, ни М.И. Рохлин ничего не знали об упомянутом обращении чехословацкого ученого к Президенту АН СССР. Н.Н. Семенов вызвался прояснить ситуа-

цию и вскоре напрямую обратился к М.В. Келдышу за ответом. О состоявшемся между ними разговоре он вскоре поведал М.И. Рохлину: «Келдыш показывал это письмо кому-то из очень высоких лиц, но что ответить Вихтерле, не придумал. И еще имейте в виду, что Вы этого письма не читали и вообще ничего не знаете» [Рохлин 1990, с. 21]. Пример наглядно демонстрирует тот факт, что даже всемирно известные советские ученые оказывались бессильны перед партийной бюрократией. Для О. Вихтерле эта история имела неприятные последствия. Годы спустя М.И. Рохлин рассказал ему, что письмо обсуждалось в высших советских инстанциях, и что было принято негласное решение исключить чехословацкого химика из общественного поля [Wichterle 1992, s. 73].

Однако сделать незаметным ученого такого масштаба, да еще с активной жизненной позицией было непросто. Тем более, что в этом отношении идеологические интересы партийной бюрократии явно расходились с государственными потребностями в области развитии полимерных технологий. В сентябре 1965 г. О. Вихтерле приехал в Москву на Международную химическую выставку, где представил свои исследования в области гидрофильных гелей. Он также выступил в чехословацком посольстве с лекцией о гибких полимерных контактных линзах, которая вызвала оживленный интерес как химического, так и медицинского сообщества [Informace 1972]. Интерес к работам подогревался публикациями не только в академических, но и в научно-популярных изданиях [Балек, Чеховских 1965]. Успех был столь очевидным, что год спустя О. Вихтерле снова пригласили в Москву с лекцией о технологических аспектах производства гидрофильных гелей [Informace 1972].

Нельзя не признать, что обозначенные О. Вихтерле проблемные точки двустороннего сотрудничества действительно имели место. Приведем несколько конкретных примеров. В сентябре 1965 г. в Праге под патронажем ИЮПАК проводился Международный симпозиум по химии высокомолекулярных соединений. Участие в нем приняли представители 29 стран, включая большую делегацию советских ученых (В.А. Каргин, М.М. Котон, К.А. Андрианов, В.В. Коршак, Н.С. Наметкин и др.) [Матвеева, Столетова 1966]. ИМХ ЧСАН устроил публикацию материалов в авторитетном международном издании «Journal of Polymer Science». В январе 1966 г. статьи были изданы, причем чехословацкая сторона договорилась о получении препринтов учеными из СССР по себестоимости и в любых количествах. Советским химикам было предложено оплатить стоимость либо прямым расчетом, либо путем возмещения расходов на пребывание чехословацких химиков в СССР или же посредством книгообмена. Ответа долгое время не было. О возникшем казусе мы узнаём из письма О. Вихтерле к члену-корреспонденту АН СССР С.С. Медведеву от 28 марта 1967 г. Чехословацкий химик сожалел, что советской стороне так и не удалось преодолеть бюрократические затруднения в течение целого года. Задержка казалась ему непростительной с точки зрения развития современного научного знания, которое требовало динамизма. Потому О. Вихтерле решил разослать препринты всем заинтересованным

советским ученым и организациям бесплатно (фактически же – за свой счет) [Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 28 марта 1967 г.].

Понимали ли и осознавали ли советские химики подобные изъяны? Вне всякого сомнения. Эти болевые точки регулярно находили отражение в их отчетах о командировках в Чехословакию, пусть и не в такой прямой и откровенной форме, как в письме О. Вихтерле к М.В. Келдышу. ИМХ ЧСАН в этих документах нередко выступал как пример успешной научной организации[6].

С.П. Круковский из Института органической химии АН СССР, стажировавшийся с 15 мая по 5 июня 1968 г. в Праге, специально отмечал в отчете, что ИМХ ЧСАН располагает достаточным количеством валютных средств для приобретения современного импортного оборудования: «После продажи в США лицензии на метод изготовления контактных линз, разработанных О. Вихтерле, ЧССР получает по 1 доллару за каждую пару проданных в США линз. Из этой суммы 25 или 30% передается в Институт макромолекулярной химии» [Отчет старшего научного сотрудника, л. 138]. Для советских научных учреждений того времени – немыслимая практика.

Ю.Н. Панов, побывавший в Чехословакии накануне Пражской весны, отмечал важность того, что сотрудники ИМХ ЧСАН имеют возможность поддерживать тесные контакты с западными коллегами, обмениваться с ними научной информацией и публикациями, что они свободно помещают свои статьи в английских и американских журналах. Все это явно контрастировало с принятыми в СССР практиками обмена информацией и презентации научных открытий на международной арене. Ю.Н. Панов в своем отчете прямо говорил о необходимости присылки чешским и словацким коллегам работ советских химиков. И там же отмечал, что «для общего укрепления дружественных отношений» нужно предоставить стажерам из ЧССР право посещать разные города СССР, а в случае отказа тщательно аргументировать причины [Отчет о командировке в Институт макромолекулярной химии, л. 76–78]. Необходимость установления и развития личных контактов и творческих дискуссий, регулярных командировок сотрудников доказывала в своем отчете о поездке в Прагу в апреле 1968 г. кандидат химических наук, младший научный сотрудник Института химической физики АН СССР М.Д. Шибанова [Отчет о командировке в Чехословакию в г. Прагу, л. 106].

Советские химики посетили ИМХ ЧСАН буквально накануне интервенции 1968 г. Поводом послужила Международная конференция по химическим превращениям полимеров в Братиславе (25–27 июня), после завершения которой советскую делегацию во главе с Н.А. Платэ пригласили на экскурсию в Прагу, в том числе чтобы показать лабораторию О. Вихтерле [Отчет о науч-

6. *Примечательно, что высокий уровень технического оснащения и грамотную организацию научного труда в ИМХ ЧСАН отмечали и ученые других европейских социалистических стран, как, например, директор Института органической химии Болгарской академии наук Б. Куртев, побывавший в Праге в 1960 г. [Доклад от доц. Богдана Куртева, л. 224–226].*

но-туристической поездке, л. 157–158]. Советские гости зафиксировали в своих отчетах высокий уровень исследований чехословацких коллег, выразили желание проводить совместные работы, обмениваться сотрудниками и аспирантами, и, кроме того, указали на важность учиться организации научного труда у О. Вихтерле [Отчет о поездке в Чехословакию группы сотрудников, л. 182–183]. Так совпало, но именно на время визита делегации советских химиков пришлась публикация в газете «Literárni listy» [Dva tisíce slov] и последующее широкое распространение манифеста «Две тысячи слов», содержавшего требования дальнейших демократических реформ. Химик О. Вихтерле был в числе составителей этого текста.

Август 1968 г. нанес болезненный удар по всем планам советско-чехословацкого научного сотрудничества и отозвался глубокой личной трагедией в сердцах многих чехословацких ученых. У академика О. Вихтерле на начало сентября 1968 г. было запланировано выступление на симпозиуме ИЮПАК в Торонто. Он не стал отменять поездку, чтобы воспользоваться возможностью выступить перед коллегами-химиками из разных стран мира. При этом он резко отметал поступавшие предложения остаться за рубежом и открыто заявлял, что вернется даже в «политический концлагерь» [Wichterle 1992, s. 179]. В Торонто на заключительном банкете О. Вихтерле как глава макромолекулярного отделения ИЮПАК выступил с речью. Он говорил, что крупные державы, как США и СССР, способны обойтись без внешних научных контактов. Но только не малые страны. Он может засвидетельствовать это как выходец из маленькой страны, которая нынче на удивление всего мира решила выжить. Присутствующие в зале химики встали и встретили слова О. Вихтерле овациями. Сидевшие вместе советские делегаты поначалу не знали, как себя вести. Но внезапно встал и стал аплодировать академик В.А. Каргин, а его примеру последовали остальные [Wichterle 1992, s. 179–180].

Резко критикуя вторжение, О. Вихтерле при этом категорически отметал идею о санкциях в отношении ученых из СССР и других социалистических стран. Используя свой авторитет, он решительно выступил против предложений отменить следующий симпозиум ИЮПАК, намеченный к проведению в Будапеште. Еще в Торонто он публично заявил, что нужно «сохранять без каких-либо исключений мосты взаимопонимания между научными работниками, даже если их страны сожгли все остальные мосты, которые раньше были связующими звеньями между ними» [Письмо О. Вихтерле к В.Н. Кондратьеву, 3 октября 1968 г.].

О. Вихтерле писал в мемуарах, что даже в первые месяцы оккупации он был убежден в важности сохранения научных контактов с советскими химиками. Причем ему казалось чрезвычайно важным донести до них истинную информацию о событиях в Чехословакии. Вскоре наступило некоторое разочарование: «Наши российские коллеги либо находились под влиянием лживой официальной советской пропаганды, либо – если у них были в этом сомнения – предпочитали дистанцироваться как можно дальше от всего, чтобы не вступать в конфликт с властями. В особенности те, кто занимал более высо-

кое положение, … предпочитали в своих выступлениях быть на стороне лжи» [Wichterle 1992, s. 180–181]. В числе последних, с точки зрения О. Вихтерле, оказались М.В. Келдыш и А.Н. Несмеянов, выступившие в советской печати с поддержкой военной интервенции. Первому из них чешский ученый доверял и симпатизировал, считая если не другом, то уж точно душевно близким человеком. Второй был химиком и это, в понимании О. Вихтерле, должно было бы порождать дух коллегиальной сопричастности. Но вместо нее – глубокое разочарование. Неслучайно в мемуарах чешского ученого А.Н. Несмеянов называется «бывшим другом» [Wichterle 1992, s. 181]. 25 сентября 1968 г. в «Правде» была опубликована заметка советского академика, в которой говорилось, что «временное введение войск союзных стран в Чехословакию предотвратило контрреволюционный переворот, инспирированный извне и поддержанный материально средствами из-за рубежа, контрреволюционный переворот, который имел бы следствием превращение Чехословакии по идее реваншистов в придаток ФРГ, сидящий как заноза, в теле социалистических стран» [Несмеянов 1968]. Ведущие чешские и словацкие химики, включая О. Вихтерле, выразили протест, отправив 17 октября 1968 г. на имя А.Н. Несмеянова письмо: «Нам трудно поверить, что этот комплект неправд и полуправд мог написать важный научный работник и заграничный член нашей Академии, и также человек, уважающий свое личное и научное достоинство. Ведь с совестью научного работника несовместимо делать заключения, не приводя к ним реальных данных, и не убедясь[7] о правильности фактов, на которых основаны его утверждения» [Письмо чехословацких химиков к А.Н. Несмеянову, 17 октября 1968 г.]. Можно также допустить, что в отношениях О. Вихтерле и А.Н. Несмеянова существовала еще одна болевая точка. Диссидентская «Хроника текущих событий» сообщала, что в мае 1969 г. на Ученом совете Института элементоорганических соединений АН СССР А.Н. Несмеянов призывал голосовать против переизбрания М.И. Рохлина, ближайшего друга О. Вихтерле, старшим научным сотрудником, поскольку тот публично выступал против введения советских войск в Чехословакию [Хроника текущих событий 1969. №8]. Впрочем, эта попытка не прошла, и большинством голосом кандидатура М.И. Рохлина была поддержана.

Невзирая на поведение ряда советских академиков, О. Вихтерле не терял надежду сохранять контакты с теми учеными, которые не запятнали себя участием в пропагандистских акциях. Важной площадкой для этого он видел ИЮПАК, который в ту пору возглавлял его давний знакомый академик В.Н. Кондратьев. 3 октября 1968 г. О. Вихтерле написал ему по следам конгресса в Торонто: «Международные контакты между учеными, в которые наш Союз вносит значительный вклад, это нечто большее, чем просто взаимное согласие в науке в этом мире политической и военной истерии. Я убеждён, что в Советском Союзе учёные будут первыми, кто сможет составить собственное объективное мнение о последних событиях в Чехословакии. Я надеюсь, что

7. Так в оригинале.

к ним скоро доберутся правдивые сведения, показывающие, что наша страна была и остается после оккупации верной социалистическим идеалам и что не было ни малейшей опасности какой-либо контрреволюции. Напротив, Коммунистическая партия Чехословакии завоевала такое уважение и симпатии среди всего нашего народа, каких, я думаю, никогда не имела ни одна коммунистическая партия ни в одной стране. Теперь, когда наш народ поднялся в необычной политической активности, все мы, беспартийные, вместе с членами партии стали убежденными сторонниками Программы действий нашей коммунистической партии и не поддаемся панической пропаганде, нагнетаемой нашим северными и восточными соседями, пытающимися убедить нас в том, что социализм не может обойтись без насилия и подавления свободы личности» [Письмо О. Вихтерле к В.Н. Кондратьеву, 3 октября 1968 г.]. О. Вихтерле лично пообщался с В.Н. Кондратьевым в конце октября 1968 г. на заседании Бюро ИЮПАК в Монте-Карло, так описав потом эту встречу: «Кондратьев подтвердил получение письма, но уклонился от обсуждения испорченных чехословацко-советских отношений. На конкретные вопросы он предпочитал не отвечать, и по его поведению было видно, что он боится, что его кто-нибудь где-нибудь подслушает. Даже когда он выходил со мной на улицу, он продолжал оглядываться назад» [Wichterle 1992, s. 183].

В конце 1968 г. О. Вихтерле неожиданно получил приглашение приехать на семинар Научного совета по высокомолекулярным соединениям АН СССР в Ужгороде. 14 января 1969 г. он направил официальный отказ на имя М.И. Рохлина как секретаря этого Совета: «21 августа вызвало у нашего народа рациональную и эмоциональную реакции. Вполне возможно, что раздражение со временем уляжется… Я считаю неразумным, хотя и вполне понятным с эмоциональной точки зрения, что от такого бойкота страдают и подлинные ценности не только советской, но и русской культуры. <…> Гораздо хуже то обстоятельство, что августовское вторжение вызвало не только раздражение чувств, но привело и к разложению наших прежних отношений в сфере трезвого разума. Это последствие не исчезнет само собой. Поэтому Вы не должны удивляться, что и люди, работающие в области точных наук, которых их профессия научила рассуждать трезво, без эмоций, будут отказываться от отношений с Вами, пока Ваше молчание или открытое согласие будут поддерживать лживые измышления, распространяемые Вами про нашу страну и нашу Коммунистическую партию. Я был бы очень рад, если бы научные сотрудники были в числе первых из тех, кто попытается залечить страшные политические увечья, нанесенные Вами в августе международному социализму. <…> Нам хотелось бы сохранить свою последнюю надежду на то, что именно Вы возьмете инициативу в свои руки и попытаетесь возродить наши прежние отношения» [Письмо О. Вихтерле к М.И. Рохлину, 14 января 1969 г.].

Желая высказать позицию публично, О. Вихтерле разослал копии письма другим советским химикам. Одна из этих копий попала в Президиум АН СССР, вызвав в некотором роде переполох. Главный ученый секретарь

Я.В. Пейве немедленно переправил текст в ЦК КПСС со следующим пояснением: «Письмо является злобным выпадом против СССР и других социалистических стран, характерным для позиции О. Вихтерле, одного из авторов пресловутых “2000 слов”. Не исключено, что письмо будет использовано органами империалистической пропаганды. Ждем указаний» [Письмо Я.В. Пейве в ЦК КПСС, 28 января 1969 г.]. К посланию прилагалась справка на О. Вихтерле. Хотя в ней были обрисованы его научные заслуги, акцент был сделан на буржуазном происхождении, резком и вспыльчивом характере. Кроме того, напоминалось и о пространном письме М.В. Келдышу 1964 г. Безвестный автор справки не преминул заметить, что О. Вихтерле «под видом недостатков сотрудничества пытался очернять все связи СССР и ЧССР в области науки и техники», и что в 1968 г. размножил текст письма на ротаторе и активно распространял [Справка]. Если судить по доступным документам, то долю ответственности за инцидент возложили на М.И. Рохлина. В записке за подписями заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова и заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К.В. Русакова говорилось, что указанное приглашение чехословацких ученых было осуществлено без согласования с руководством АН СССР [Об информации АН СССР, 11 апреля 1969 г.]

В августе 1969 г. в Сиднее состоялся очередной Конгресс ИЮПАК, на котором произошло столкновение О. Вихтерле с некоторыми советскими участниками. Когда австралийские журналисты спросили ученого об интервенции 1968 г. и подавлении Пражской весны, он порекомендовал задать те же вопросы членам советской делегации. Это разозлило академика О.А. Реутова. Между ним и О. Вихтерле разгорелась открытая перепалка, настолько острая, что их пришлось разнимать. Советский коллега назвал чехословацкого химика «бывшим другом» и обвинил в том, что тот хочет пригласить в свою страну «западных немцев», чтобы они могли потом оттуда в третий раз за столетие напасть на СССР. С этого момента до конца конгресса члены советской делегации избегали встреч с О. Вихтерле [Wichtele 1992, s. 67–68]. После австралийского инцидента чехословацкий химик на несколько лет стал невыездным, даже в другие страны социалистического лагеря.

Хотя О. Вихтерле решительно отклонил приглашение о приезде в СССР, хотя он страшно разочаровался в поведении некоторых советских коллег и даже открыто столкнулся с ними на конгрессе в Австралии, он все равно не утратил веру в возможность продолжения научных контактов. О. Вихтерле оставался верен своему принципу, изложенному в письме к М.В. Келдышу: «Подлинная дружба между народами может возникнуть только как сумма дружб между близкими друг другу отдельными представителями этих народов» [Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г.]. Внезапно вовлеченный в политическую жизнь О. Вихтерле, как и прежде стремился не смешивать ее с наукой. В 1970 г. на заседании исполнительного комитета макромолекулярного отделения ИЮПАК он поддержал кандидатуру советского химика

В.А. Кабанова, которого хорошо знал лично, в титулярные члены (Titular member) этого отделения[8]. Одновременно О. Вихтерле уведомил Научный совет по высокомолекулярным соединениям АН СССР, что официальное одобрение кандидатуры В.А. Кабанова с советской стороны не потребуется, поскольку тот будет представлять не государство, а свою научную отрасль, и будет защищать интересы международного сообщества ученых [Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 5 июня 1970 г.].

В том же 1970 г. О. Вихтерле предпринял попытку возобновить работу советско-чехословацкой комиссии по высокомолекулярным соединениям. 24 февраля он направил письмо В.В. Коршаку, главе Научного совета по высокомолекулярным соединениям АН СССР, в котором приглашал коллег на совместное заседание в Праге. Копии он разослал всем советским членам комиссии. О. Вихтерле отмечал, что после 21 августа 1968 г. произошел почти полный разрыв советско-чехословацких связей в области химии, и что совместная комиссия в силах попытаться прекратить этот разрыв. В письме говорилось, что за последнее время Прагу не посетил ни один советский химик, хотя их приглашали на различные мероприятия: «За малыми исключениями, советские коллеги либо вообще никак не отвечали на наши приглашения, либо обещали приехать и не приехали, даже не послав нам объяснительного письма». О. Вихтерле прямо говорил, что любые взаимные переговоры «лучше судорожных усилий, направленных на оживление взаимных отношений путем односторонних принудительных мер» [Письмо О. Вихтерле к В.В. Коршаку, 24 февраля 1970 г.]. Никакого официального ответа не последовало. Работа комиссии возобновилась лишь после того, как в ЧСАН произошла почти полная смена руководящих кадров [Wichterle 1992, s. 76]. О. Вихтерле в своих мемуарах описывал этот эпизод с чувством глубокой обиды, назвав ряд своих чехословацких коллег коллаборационистами. При этом он подчеркивал, что в новых условиях научное сотрудничество оказалось ориентировано сугубо на советские интересы и не достигло ожидаемых результатов [Wichterle 1992, s. 76].

Трудно однозначно сказать, насколько прав был в этом доводе О. Вихтерле. Официальные документы свидетельствуют о сохранении и даже разрастании сотрудничества ИМХ ЧСАН с советскими научными учреждениями. Причем география этого сотрудничества расширилась. Например, важным участником взаимодействия стал Институт химических наук АН Казахской ССР, который с середины 1970-х годов вел совместную с ИМХ ЧСАН тему «Синтез полимеров» под руководством Б.А. Жубанова и Е.Е. Ергожина. Последний во время посещения Праги в 1976 г. обсуждал с коллегами конкретные работы в области синтеза полимерных сорбентов [Отчет АН Казахской ССР о выполнении плана, л. 28, 30, 33]. В начале 1980-х годов алма-атинский и пражский институты работали над темой «Связь между структурой и свойствами высокомолекуляр-

8. Впоследствии в 1977–1981 гг. В.А. Кабанов будет исполнять обязанности председателя комитета [Письмо С.С. Медведева к О. Вихтерле, апрель 1970 г.; Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 5 июня 1970 г.]

ных соединений» [Отчет о международных научных связях, л. 13–14]. Результативность советско-чехословацких научных взаимодействий в области химии в период Нормализации еще предстоит специально исследовать.

В октябре 1970 г. Чехословакию посетила официальная делегация АН СССР во главе с М.В. Келдышем. Она обсудила с чехословацкими коллегами планы совместных работ на 1971–1972 гг., сделав упор на развитие естественных наук. Тогда же было решено развивать общие научные комиссии для координации исследований и созвать совместный симпозиум для комплексной оценки вопросов научно-технической революции [Памятная записка]. О. Вихтерле, как и многих его коллег, на встречу советских гостей не допустили.

После вынужденной отставки О. Вихтерле с поста директора ИМХ ЧСАН в 1969 г. он на долгое время был отлучен от всякого международного сотрудничества, включая советских химиков. Но постепенно научный авторитет, с которым невозможно было не считаться, взял верх над идеологическими запретами. О. Вихтерле снова разрешили выезды за рубеж, поскольку его знания потребовались для представления чехословацких интересов в ходе судебного разбирательства в США по поводу патентов. В январе 1978 г. его включили в состав чехословацкой делегации для поездки в Москву с целью переговоров о налаживании производства контактных линз. В итоге была предпринята попытка наладить двустороннее взаимодействие в этом направлении. В конце декабря 1979 г. был сформирован план научного сотрудничества в области контактной коррекции зрения между Научно-исследовательским институтом глазных болезней имени Гельмгольца в Москве и чехословацким Объединением «СПОФА» на 1980–1982 гг. Однако серьезных результатов это сотрудничество по разным причинам не имело.

Опыт взаимоотношений О. Вихтерле с советскими химиками примечателен в контексте истории советско-чехословацких научных связей, а равно и в контексте феномена так называемой «социалистической науки» эпохи холодной войны. Рассмотренные в статье примеры демонстрируют, с одной стороны, глубокую и искреннюю заинтересованность в развитии научных контактов, исходившую одновременно от ученых двух стран. При этом такое партнерство изначально расценивалось ими самими как равноправное и обоюдовыгодное. В то же время изученные примеры наглядно показывают, что даже благие начинания наталкивались на глухую стену советской бюрократии разных уровней. Пробить ее, несмотря на титанические усилия, не могли даже самые влиятельные и авторитетные научные персоны. Парадокс заключался в том, что рассмотренный опыт сотрудничества мог бы быть более эффективным, мог принести советской стороне не только символический капитал, но и конкретные экономические выгоды. Но на практике многие возможности оказались упущены. Выстраивание научных связей даже с социалистическими странами с советской стороны было сковано многочисленными запретами, которые были лишены всякого здравого смысла. Хотя СССР декларировал курс на развитие и укрепление международных научных связей, на повышение влияния советской науки, на трансфер знаний и технологий, практики управления между-

народными научными контактами оказывались глубоко порочными и ущербными. Призывы О. Вихтерле судить об успешности сотрудничества на основе реальных достижений, а не на основе бравурных отчетов, парадных визитов официальных делегаций и ни к чему не обязывающих соглашений, оставался не услышанным, как это видно на примере его письма к М.В. Келдышу. В результате негативные тенденции сильно подрывали авторитет советской науки в мире, в том числе в социалистических странах, постепенно заставляя местных ученых оглядываться на Запад, а не на Восток, который стремительно терял свое прежнее очарование.

Библиография

Балек В., Чеховских А. Полимеры возвращают зрение // Химия и жизнь. 1965. № 12. С. 24–26.

В отделении химических наук // Вестник АН СССР. 1956. № 8. С. 93–96.

Вихтерле О. «Через барьеры из колючей проволоки и административной волокиты...»: письмо Мстиславу Келдышу // Знамя. 2019. № 8. С. 146–153.

Доклад от доц. Богдана Куртева, директора на Институт по органична химия при БАН…, 17.06.1960 // Научен архив на Българската академия на науките. Ф. 8. Оп. 1. А.е. 145. Л. 223–235.

Командировки в Чехословацкую академию наук (1958 г.) // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 78–79.

Матвеева Е.Н., Столетова И.М. Международный симпозиум по макромолекулярной химии // Атомная энергия. 1966. Т. 20. № 4. С. 362–363.

Несмеянов А.Н. Благородный долг братьев по классу // Правда. 1968. 25 сентября. № 269 (18316). С. 4.

Об информации АН СССР, 11 апреля 1969 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 59. Л. 13.

Отчет (командировка в Чехословацкую Академию наук с 2 по 23 октября 1957 г.) // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 129. Л. 92–154.

Отчет АН Казахской ССР о выполнении плана научно-технического сотрудничества с зарубежными странами в 1976 г. // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 72. Д. 26. Л. 21–37.

Отчет о командировке в Институт макромолекулярной химии // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 621. Л. 46–78.

Отчет о командировке в Чехословакию в г. Прагу // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 621. Л. 106–114.

Отчет о командировке члена-корреспондента АН СССР С.З. Рогинского и кандидата химических наук О.В. Крылова в Чехословакию 2–17 октября 1957 г. // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 129. Л. 60–86.

Отчет о международных научных связях АН Казахской ССР за 1982 г. // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 110. Д. 126. Л. 11–16.

Отчет о научной командировке в гор. Прагу за период с 7 сентября по 17 октября 1957 г. // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 129. Л. 55–59.

Отчет о научной командировке в Чехословакию, 1964 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 512б. Л. 1–17.

Отчет о научной командировке в Чехословацкую народную республику, 1958 год // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 132. Л. 1–35.

Отчет о научно-туристической поездке на Международную конференцию по химическим превращениям полимеров в г. Братиславе // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 624. Л. 156–158.

Отчет о поездке в Чехословакию группы сотрудников Института физической химии АН УССР // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 624. Л. 177–183.

Отчет старшего научного сотрудника Института органической химии АН СССР С.П. Круковского о командировке в ЧССР // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 621. Л. 126–147.

Памятная записка, составленная в заключение пребывания делегации Академии наук СССР в Чехословакии // АРАН. Ф. 579. Оп. 5. Д. 14. Л. 1–5.

Письмо А.А. Конкина к О. Вихтерле, 15 февраля 1957 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (далее – MÚ a AAV ČR). Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо В.И. Исагулянца в журнал «Chemické listy», 7 марта 1946 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 3.

Письмо В.Н. Кондратьева к О. Вихтерле, 26 декабря 1957 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо Б.А. Кренцеля к О. Вихтерле, 7 декабря 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 30.

Письмо Н.Н. Семенова к А.В. Топчиеву, 30 октября 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 5.

Письмо О. Вихтерле к В.Н. Кондратьеву, 3 октября 1968 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к В.В. Коршаку, 24 февраля 1970 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к М.И. Рохлину, 14 января 1969 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 28 марта 1967 г. // АРАН. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 5 июня 1970 г. // АРАН. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 109. Л. 5–6.

Письмо О. Вихтерле к С.Р. Рафикову, 10 июля 1959 г. // АРАН. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

Письмо П.И. Никитина к О. Вихтерле, 23 мая 1956 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо С.Р. Рафикова к О. Вихтерле, 1959 г. // АРАН. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 200. Л. 2.

Письмо С.С. Медведева к О. Вихтерле, апрель 1970 г. // АРАН. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

Письмо чехословацких химиков к А.Н. Несмеянову, 17 октября 1968 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо Я. Кожешника к А.В. Топчиеву, 13 ноября 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 3.

Письмо Я.В. Пейве в ЦК КПСС, 28 января 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 59. Л. 7.

План совместных работ АН СССР и ЧСАН по проблеме «Высокомолекулярные соединения» на 1960 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 6–15.

Приложение № 6 // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 67–72.

Проект Отделения химических наук АН СССР… // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 85–87.

Проект плана сотрудничества между ЧСАН и АН СССР в области макромолекулярной химии // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 35–40.

Протокол совещания по вопросу о сотрудничестве АН СССР и ЧСАН в области высокомолекулярных соединений // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 55–58.

Рохлин М.И. Из писем Отто Карловича // Химия и жизнь. 1990. № 2. С. 20–23.

Справка // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 59. Л. 9.

Станцо В. Контактный человек // Химия и жизнь. 1990. № 2. С. 15–20.

Стенограмма беседы с главным ученым секретарем ЧСАН Я. Кожешником, 17 марта 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 639. Л. 32–63.

Хроника текущих событий. 1969. № 8. 30 июня.

Черненко М.Б. «Химия и жизнь». 1964–1981 // Химия и жизнь. 2019. № 10. С. 55–61.

Dva tisíce slov // Literárni listy. 1968. Č. 18. 27 červen.

Informace o nabidkách československé strany sovětskй straně v oboru vɜroby a aplikace hydrofilnнch gelů, 29.03.1972 // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Palonkorpiová R. Věda s lidskou tváří: Činnost československɔch vědců Františka Šorma a Otty Wichterleho během studené války. Praha: Academia, 2017. 350 s.

Wichterle O. Vzpomínky. Praha: Nakladatelství Evropského kulturního klubu, 1992. 261 s.

Wichterle O. Zpráva o průběhu a výsledcích zahraničních styků v roce 1963 // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Reference

Bálek V., Čechovských A. Polimery vozvrashchayut zreniye [Polymers restore vision] // Khimiya i zhizn'. 1965. N 12. P. 24–26. (In Russ.)

Chernenko M.B. «Khimiya i zhizn'». 1964–1981 [«Chemistry and Life». 1964–1981] // Khimiya i zhizn'. 2019. N 10. S. 55–61. (In Russ.)

Doklad ot dots. Bogdana Kurteva, direktora na Institut po organichna khimiya pri BAN…, 17.06.1960 [Report by Assoc. Prof. Bogdan Kurtev, Director of the Institute of Organic Chemistry of BAS..., 17.06.1960] // Nauchen arkhiv na Bŭlgarskata akademiya na naukite. F. 8. Inv. 1. Fol. 145. P. 223–235. (In Bulg.)

Dva tisíce slov // Literární listy. 1968. Č. 18. 27. červen.

Informace o nabídkách československé strany sovětské straně v oboru výroby a aplikace hydrofilních gelů, 29.03.1972 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (MÚ a AAV ČR). Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Khronika tekushchikh sobytiy [Chronicle of current events]. 1969. N 8. 30 iyunya. (In Russ.)

Komandirovki v Chekhoslovatskuyu akademiyu nauk (1958 g.) [Business trips to the Czechoslovak Academy of Sciences (1958)] // Arkhiv RAN (ARAN). F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 78–79. (In Russ.)

Matveyeva Ye.N., Stoletova I.M. Mezhdunarodnyy simpozium po makromolekulyarnoy khimii [International Symposium on Macromolecular Chemistry] // Atomnaya energiya. 1966. T. 20. N 4. P. 362–363. (In Russ.)

Nesmeyanov A.N. Blagorodnyy dolg brat'yev po klassu [The noble duty of class brothers] // Pravda. 1968. 25 sentyabrya. N 269 (18316). S. 4. (In Russ.)

Ob informatsii AN SSSR, 11 aprelya 1969 g. [On information from the USSR Academy of Sciences, April 11, 1969] // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 5. Inv. 61. Fol. 59. P. 13. (In Russ.)

Otchet (komandirovka v Chekhoslovatskuyu Akademiyu nauk s 2 po 23 oktyabrya 1957 g.) [Report (business trip to the Czechoslovak Academy of Sciences from October 2 to October 23, 1957)] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 129. P. 92–154. (In Russ.)

Otchet AN Kazakhskoy SSR o vypolnenii plana nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva s zarubezhnymi stranami v 1976 g. [Report of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR on the implementation of the plan for scientific and technical cooperation with foreign countries in 1976] // Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. F. 708. Inv. 72. Fol. 26. P. 21–37. (In Russ.)

Otchet o komandirovke chlena-korrespondenta AN SSSR S.Z. Roginskogo i kandidata khimicheskikh nauk O.V. Krylova v Chekhoslovakiyu 2–17 oktyabrya 1957 g. [Report on the trip of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences S.Z. Roginsky and Candidate of Chemical Sciences O.V. Krylov to Czechoslovakia October 2–17, 1957] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 129. P. 60–86. (In Russ.)

Otchet o komandirovke v Chekhoslovakiyu v g. Pragu [Report on a business trip to Czechoslovakia in Prague] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 621. P. 106–114. (In Russ.)

Otchet o komandirovke v Institut makromolekulyarnoy khimii [Report on a business trip to the Institute of Macromolecular Chemistry] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 621. P. 46–78. (In Russ.)

Otchet o mezhdunarodnykh nauchnykh svyazyakh AN Kazakhskoy SSR za 1982 g. [Report on international scientific relations of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR for 1982] // Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. F. 708. Inv. 110. Fol. 126. P. 11–16. (In Russ.)

Otchet o nauchno-turisticheskoy poyezdke na Mezhdunarodnuyu konferentsiyu po khimicheskim prevrashcheniyam polimerov v g. Bratislave [Report on a scientific and tourist trip to the International Conference on Chemical Transformations of Polymers in Bratislava] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 624. P. 156–158. (In Russ.)

Otchet o nauchnoy komandirovke v Chekhoslovakiyu, 1964 g. [Report on a scientific trip to Czechoslovakia] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 512b. P. 1–17. (In Russ.)

Otchet o nauchnoy komandirovke v Chekhoslovatskuyu narodnuyu respubliku, 1958 god [Report on a scientific trip to the Czechoslovak People's Republic, 1958] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 132. P. 1–35. (In Russ.)

Otchet o nauchnoy komandirovke v gor. Pragu za period s 7 sentyabrya po 17 oktyabrya 1957 g. [Report on a scientific trip to the mountains. Prague for the period from September 7 to October 17, 1957] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 129. P. 55–59. (In Russ.)

Otchet o poyezdke v Chekhoslovakiyu gruppy sotrudnikov Instituta fizicheskoy khimii AN USSR [Report on the trip to Czechoslovakia of a group of employees of the Institute of Physical Chemistry of the Ukrainian Academy of Sciences] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 624. P. 177–183. (In Russ.)

Otchet starshego nauchnogo sotrudnika Instituta organicheskoy khimii AN SSSR S.P. Krukovskogo o komandirovke v ČSSR [Report of senior researcher at the Institute of Organic Chemistry of the USSR Academy of Sciences S.P. Krukovsky about his business trip to Czechoslovakia] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 621. P. 126–147. (In Russ.)

Palonkorpiová R. Věda s lidskou tváří: Činnost československých vědců Františka Šorma a Otty Wichterleho během studené války. Praha: Academia, 2017. 350 s.

Pamyatnaya zapiska, sostavlennaya v zaklyuchenii prebyvaniya delegatsii AN SSSR v Chekhoslovakii [Memorandum compiled at the conclusion of the stay of the delegation of the USSR Academy of Sciences in Czechoslovakia] // ARAN. F. 579. Inv. 5. Fol. 14. P. 1–5. (In Russ.)

Pis'mo A.A. Konkina k O. Wichterle, 15 fevralya 1957 g. [Letter from A.A. Konkin to O. Wichterle, February 15, 1957] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo B.A. Krentselya k O. Wichterle, 7 dekabrya 1959 g. [Letter from B.A. Krenzel to O. Wichterle, December 7, 1959] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 30. (In Russ.)

Pis'mo chekhoslovatskikh khimikov k A.N. Nesmeyanovu, 17 oktyabrya 1968 g. [Letter from Czechoslovak chemists to A.N. Nesmeyanov, October 17, 1968] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo N.N. Semenova A.V. Topchiyevu, 30 oktyabrya 1959 g. [Letter from N.N. Semenov to A.V. Topchiev, October 30, 1959 // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k M.I. Rokhlinu, 14 yanvarya 1969 g. [Letter from O. Wichterle to M.I. Rokhlin, January 14, 1969] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k M.V. Keldyshu, 21 yanvarya 1964 g. [Letter from O. Wichterle to M.V. Keldysh, January 21, 1964] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Krab. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k S.R. Rafikovu, 10 iyulya 1959 g. [Letter from O. Wichterle to S.R. Rafikov, July 10, 1959] // ARAN. F. 2056. Inv. 1. Fol. 249. P. 1. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k S.S. Medvedevu, 28 marta 1967 g. [Letter from O. Wichterle to S.S. Medvedev, March 28, 1967] // ARAN. F. 1620. Inv. 1. Fol. 109. P. 1. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k S.S. Medvedevu, 5 iyunya 1970 g. [Letter from O. Wichterle to S.S. Medvedev, June 5, 1970] // ARAN. F. 1620. Inv. 1. Fol. 109. P. 5–6. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k V.N. Kondrat'yevu, 3 oktyabrya 1968 g. [Letter from O. Wichterle to V.N. Kondratiev, October 3, 1968] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k V.V. Korshaku, 24 fevralya 1970 g. [Letter from O. Wichterle to V.V. Korshak, February 24, 1970] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo P.I. Nikitina k O. Wichterle, 23 maya 1956 g. [Letter from P.I. Nikitin to O. Wichterle, May 23, 1956] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo S.R. Rafikova k O. Wichterle, 1959 g. [Letter from S.R. Rafikov to O. Wichterle, 1959] // ARAN. F. 2056. Inv. 1. Fol. 200. P. 2. (In Russ.)

Pis'mo S.S. Medvedeva k O. Wichterle, aprel' 1970 g. [Letter from S.S. Medvedev to O. Wichterle, April 1970] // ARAN. F. 1620. Inv. 1. Fol. 94. P. 1. (In Russ.)

Pis'mo V.I. Isagulyantsa v zhurnal «Chemické listy», 7 marta 1946 g. [Letter from V.I. Isagulyanets in the magazine «Chemické listy», March 7, 1946] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 3. (In Russ.)

Pis'mo V.N. Kondrat'yeva k O. Wichterle, 26 dekabrya 1957 g. [Letter from V.N. Kondratiev to O. Wichterle, December 26, 1957] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo Ya. Kožešníka A.V. Topchiyevu, 13 noyabrya 1959 g. [Letter from Ya. Kozheshnik to A.V. Topchiev, November 13, 1959] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 3. (In Russ.)

Pis'mo Ya.V. Peyve v TsK KPSS, 28 yanvarya 1969 g. [Letter from Ya.V. Peive at the CPSU Central Committee, January 28, 1969] // RGANI. F. 5. Inv. 61. Fol. 59. P. 7. (In Russ.)

Plan sovmestnykh rabot AN SSSR i ČSAN po probleme «Vysokomolekulyarnyye soyedineniya» na 1960 g. [Plan of joint work of the USSR Academy of Sciences and CAS on the problem of «High-molecular compounds» for 1960] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 6–15. (In Russ.)

Prilozheniye N 6 [Appendix N 6] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 67–72. (In Russ.)

Protokol soveshchaniya po voprosu o sotrudnichestve AN SSSR i ČSAN v oblasti vysokomolekulyarnykh soyedineniy [Minutes of the meeting on the issue of cooperation between the USSR Academy of Sciences and the CAS in the field of macromolecular compounds] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 55–58. (In Russ.)

Proyekt Otdeleniya khimicheskikh nauk AN SSSR [Project of the Department of Chemical Sciences of the USSR Academy of Sciences...] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 85–87. (In Russ.)

Proyekt plana sotrudnichestva mezhdu ČSAN i AN SSSR v oblasti makromolekulyarnoy khimii [Draft plan for cooperation between the ČAS and the USSR Academy of Sciences in the field of macromolecular chemistry] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 35–40. (In Russ.)

Rokhlin M.I. Iz pisem Otto Karlovicha [Rokhlin M.I. From letters of Otto Karlovich] // Khimiya i zhizn'. 1990. N 2. S. 20–23. (In Russ.)

Spravka [Information] // RGANI. F. 5. Inv. 61. Fol. 59. P. 9. (In Russ.)

Stantso V. Kontaktnyy chelovek [A Contact person] // Khimiya i zhizn'. 1990. N 2. P. 15–20.

Stenogramma besedy s glavnym uchenym sekretarem ČSAN J. Kožešnikom, 17 marta 1959 g. [Transcript of a conversation with the chief scientific secretary of the CAS J. Kožešník, March 17, 1959] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 639. P. 32–63. (In Russ.)

V otdelenii khimicheskikh nauk [In the Department of Chemical Sciences] // Vestnik AN SSSR. 1956. N 8. P. 93–96. (In Russ.)

Wichterle O. «Cherez bar'yery iz kolyuchey provoloki i administrativnoy volokity...»: pis'mo Mstislavu Keldyshu [«Through barriers of barbed wire and administrative red tape…»: letter to Mstislav Keldysh] // Znamya. 2019. N 8. P. 146–153. (In Russ.)

Wichterle O. Vzpomínky. Praha: Nakladatelství Evropského kulturního klubu, 1992. 261 s.

Wichterle O. Zpráva o průběhu a výsledcích zahraničních styků v roce 1963 // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.